Текст · 19 августа 2022, 05:34
Дмитрий Швец,

«Нас наебали, простите». Десантник Павел Филатьев участвовал во вторжении в Украину, а потом написал об этом антивоенную книгу и уехал из России

33-летний десантник Павел Филатьев стал известен в начале августа, когда журналисты опубликовали отрывки из его автобиографической повести *ZOV*-. Участник штурма Херсона резко критиковал армейское командование, называл вторжение в Украину бессмысленным и преступным, писал о мародерстве и нехватке обезболивающих в полевых госпиталях. После того как Филатьев уехал из России, «Медиазона» поговорила с ним о его книге, войне и ожиданиях от будущего, когда солдаты вернутся домой.

Как изменилась за время войны Россия

Когда я вернулся в конце апреля, приехал сначала в свою воинскую часть в городе Феодосия в Республике Крым. Я как военнослужащий после госпиталя обязан явиться в свою воинскую часть, чтобы отметиться, что я вернулся с боевых. Я приехал, и временно исполняющий обязанности командира полка предоставил мне отпуск на две недели. Ну, и во время отпуска я был много где — в Краснодаре, в Волгограде, в Москве. Встречался с родными, близкими, общался.

У меня в госпитале не было телефона. Когда я в конце апреля вернулся в воинскую часть, где оставил свой телефон, я начал звонить знакомым — просто отметиться. Я начинаю что-то рассказывать, объяснять про войну. А мне все говорят, что нельзя так говорить, что нельзя говорить «война», надо аккуратнее. Для меня уже это дико было: вроде я приехал с войны, а нельзя говорить «война». Такая подмена понятий, сумасшедший дом. Дальше я понял — общество не понимает, как себя вести, какую позицию занять: вроде бы понимают, что война на Украине — это плохо, но хотят поддержать своих ребят-военнослужащих, которые находятся на войне. С другой стороны, они боятся правительства. Я это долго переваривал и даже до сих пор не могу переварить. Но страна очень сильно изменилась. Общество запугано, зашугано, все пытаются подбирать слова, все боятся свои мысли искренне и честно выражать. Как минимум я не в восторге. Тем более что мы решили окончательно разосраться со всем миром. Весь мир как бы пытается друг с другом общаться, налаживать отношения, и вообще как-то всем уже понятно, что война ни к чему хорошему не ведет.

О книге

На второй месяц, когда я находился под обстрелами, когда рядом все взрывается... Я — человек, верующий в Бога. Я не очень к религиям отношусь, ни к христианству, ни к исламу, но в Бога верю. Когда рядом что-то все время взрывалось, у меня постоянно проскальзывала мысль в голове, что если я выживу, я сделаю все, чтобы это изменить. Как-то так

сложилось, что я живой вернулся, понял: обещание надо выполнять.

Я начал пытаться уволиться по состоянию здоровья. Думал, что издам свою книгу. Расписал всю правду и попытался передать, что такое война и как это происходит. Но так получилось, что командование мне не давало возможности уволиться. Меня начали шантажировать: либо обратно на Украину, либо статья. И тогда я уже просто покинул территорию части, хотя многие мои товарищи, к сожалению, повелись на угрозы и шантаж. Они уехали обратно на Украину — немногие, но некоторые повелись и уехали.

А я покинул территорию части, издал книгу. Она не дописана, не отредактирована. Я пытался с разными журналистами связаться, с блогерами знаменитыми, но мне, в отличие от многих из них, сразу ответил только Владимир Осечкин. Мы записали интервью-. Он меня уговорил попытаться как можно дольше оставаться на свободе, чтобы СМИ могли дать огласку моей истории. Из России я уезжать не хотел. Но в последний момент меня убедили. Очень много людей просто написали, что лучше уехать. Ну и плюс я знаю от моих сослуживцев, что командование... Уже переданы документы. Из России в последний момент я уехал, сейчас нахожусь за границей уже сутки. И где, я не скажу. Первое время очень сильно боялся, что меня убьют. Ну, как боялся — готовился. Я там, на Украине, смирился в какой-то момент, что я умру. Сейчас все так складывается, мне реально терять нечего. Россию я покинул только с той целью, чтобы попытаться что-то в России изменить.

О реакции сослуживцев, украинцев и людей из интернета

Павел Филатьев. Кадр: «Гулагу-нет Официальный канал» / YouTube

Ни один военный мне не сказал, что я предатель или трус. Многие мои сослуживцы писали мне, поддерживали и говорили спасибо. Им это все на хер не надо, но они не знают, как им действовать. Просто так сложилось, что у меня нет жены и детей. Я не несу ответственность за посторонних людей, только за себя. И мне как-то, получается, проще. Я рискую только своей жизнью. У моих сослуживцев ситуация другая. Сослуживцы не знают, как им действовать. Вот они сейчас что-то сделают — у них заберут квартиру, жена с ребенком на улице, их объявят врагами государства, зарплаты нет, устроиться с черным билетом никуда невозможно. Это замкнутый круг.

Мне очень много разных людей писали, звонили. Я не всегда понимаю, откуда они вообще нашли мои контакты. Разные люди — из Украины, России, бывшие военнослужащие, которые уволились из армии. Были даже, которые отслужили раньше в полку, в котором я вырос.

Ну, примерно 10% написавших мне пожелали сдохнуть и всячески оскорбили — из Украины и

как бы люди, позиционирующие себя военными. Но эти люди мне неизвестные, и у меня складывается впечатление, что это люди далекие и от Украины, и от России, и от армии.

Почему не надо просить прощения у украинцев

Что я хочу сказать украинцам. Я в интервью Владимиру Осечкину сказал, что извинения неуместны. Не всем было это понятно, я подробнее объясню: извиняться можно, когда человек другому на ногу наступил. В данный момент сказать «извини» — это неадекватно. Я написал книгу, и я хочу, чтобы она была на русском языке в бесплатном доступе, чтобы любой, кто поддерживает войну, мог прочитать, что я пережил за последний год. А дальше я просил помочь мне перевести эту книгу. Все деньги до последней копейки, которые будут получены с продаж на английском, немецком, французском, на всех остальных языках — они пойдут на помощь украинским мирным жителям, которые пострадали от этой войны. Со мной после этого связались очень много людей, которые готовы безвозмездно переводить книгу, разные издательства, которые заинтересованы в том, чтобы издать ее на других языках. Чтобы каждая копейка пошла на помощь украинским людям, пострадавшим от этой войны. Я этим поступком хотел показать, что сказать «извини» просто — это глупо.

О боеготовности и моральном духе российской армии

Смотрите, разделим готовность армии на два аспекта. Первый — это оснащение, материальное обеспечение. По этому аспекту, я считаю, на два из пяти. Следующий аспект — моральный. Из того, что я видел, я оцениваю его как очень высокий, на пять с минусом, наверное. Так будет честно говорить, если по пятибалльной системе. Мы все воспитывались на подвиге предков, на милитаризации: мы постоянно везде слышим, что мы самые крутые воины и победим всех на свете. Морально люди готовы умирать, отдавать свои жизни. Ты понимаешь, что, похоже, надо умереть. За что — ты не знаешь, но ты знаешь, что как военный ты не имеешь права опозориться. Но при этом дальше российская армия воевать не хочет. Не из-за того, что она боится, а из-за того, что она понимает, что правительство ее втянуло в губительную войну. Проблемную войну, в которой нет правды. Большинство военнослужащих российской армии не чувствуют, что за ними правда. И в этом проблема. Военные не слепые, они видели своими глазами разрушенные города, видели и знают, что много гражданских людей погибло. Остались без домов и погибли, остались инвалидами просто из-за того, что мы поиграли в войнушку. Русские солдаты обычные — они тоже понимают, что нет за ними правды. То есть нас обманули, нас наебали, простите.

О Буче и убийствах мирного населения

Спустя два месяца после начала войны я вернулся — был в госпитале, потом меня отправили в отпуск. Я встретился со своим старым другом, он бывший военнослужащий, офицер, ушел из армии из-за вопросов коррупции и раздолбайства. Он мне стал

рассказывать про Бучу. Я до этого эту информацию не встречал. Мне было очень тяжело поверить, что такие же мои товарищи, российские десантники, могли что-то такое совершить. Я с ним даже несколько спорил. Мы ведь тоже задерживали гражданских людей, которые помогали украинской армии, мы тоже забирали у них телефоны. Но я не видел ни одного подобного случая на моем направлении. Когда я узнал про Бучу, мне тяжело было в это поверить, мне не хочется верить, я не знаю, как это произошло.

Буча, 12 апреля 2022 года. Фото: Rodrigo Abd / AP

Я пытаюсь быть объективным. Мне обидно, хоть это и не моих рук дело, но эти люди служили со мной в одном роде войск. Я пытаюсь их тоже понять. Я задерживал двух гражданских людей в Херсоне, когда мы штурмовали Херсон. Собственными руками я задержал двух человек. И я знал точно, что эти люди помогают украинской армии. Я понимал, что они поджигали вокруг нас территорию, чтобы обозначить нашу позицию. Их передавали ФСИН и ОМОНу. Мы передовая линия, а вторая линия — это подразделения Росгвардии, к которым относятся кадыровцы. Те пленные, которые задерживаются на первой линии, передаются второй — что с ними происходит, конечно же, мне неизвестно. Но я знаю, что, когда через полтора суток после штурма Херсона мы вышли, наша передовая линия, там остались только ОМОН и Нацгвардия, и люди вышли на демонстрации. Я слышал, что их разогнали резиновыми пулями, газом

и всем остальным. Но я знаю также много людей из ОМОНа, которые после этого уволились и отказались ездить на Украину. Они понимают, что творится просто жесть, когда мы захватываем город, а потом народ говорит: «Мы не хотим быть с вами, уйдите от нас» — и им приходится разгонять мирных жителей. У многих омоновцев произошел такой надлом, когда они решили уволиться.

Я представляю, что сказал бы мне какой-нибудь командир: «Иди и застрели его теперь, этого гражданского». Я не знаю, мне проще было бы как минимум послать этого командира. Задержать я могу, морально я был готов. А расстрелять человека — я не понимаю, как это возможно.

Я таких случаев не видел, чтобы кого-то расстреляли, убили не в перестрелке, а после этого. Я даже по слухам не слышал, чтобы украинского пленного из моего подразделения кто-то застрелил. Я много чего могу плохого о своей армии рассказать, но я этого не видел своими глазами. Если бы я видел, я бы сказал, мне терять нечего.

О вербовке заключенных и добровольцев на войну

Я знаю одного военнослужащего, которого осудили за наркотики. Он не наркоман особо и не дилер, он решил по своей глупости на день рождения себе достать какой-то наркотик. Его повязали и ему дали срок год назад, пять лет, что ли, дали. Он был военный медик. И ему предложили: поехать на Украину либо дальше сидеть свой срок. Я пытаюсь его понять,

и я его понимаю: он не знает, что происходит, телефона нет на зоне. И ему говорят: «Езжай на войну делать что-нибудь хорошее, а мы тебе срок аннулируем, да еще денег заплатим». Понятно для любого человека, который оказался в местах лишения свободы, что для него это шанс. Я знаю, что этот человек теперь на Украине. Правительство пытается хоть что-то сделать для того, чтобы продолжать свою ебучую, гадкую, беспонтовую войну, правительство идет ва-банк. Почему вербуют всех подряд, даже 50-летних стариков, которые всю жизнь лежали на диване, смотрели Первый канал и реально поверили, что нацистов-фашистов надо побеждать? Им за это еще предлагают хорошие деньги, которые они хрен заработают в России. И зачем их вербуют? А потому что люди не хотят ехать. Нормальные военнослужащие увольняются, уходят, отказываются. Они не хотят возвращаться обратно. Не потому, что они боятся, а потому, что они понимают, что их впутали в дерьмо полнейшее.

Могут ли военные повернуть оружие против своего правительства

Я уверен, мне не придется воевать против российской армии, потому что я знаю, что для российской армии — не каких-то подразделений, которые в тылу отсиживались, а тех, кто на передовой, даже для ОМОНа — для них правительство враг. Но против Кремля — вот так будет четко — думаю, я бы мог поднять свое оружие. Поймите меня правильно, сейчас услышьте и, пожалуйста, не переверните мои слова: против российской армии я не буду никогда воевать, российская армия — она знает, что

нас впутали в дерьмо на Украине. Мы виноваты, но это очень тяжело сказать, осознать, тем более когда человек только с фронта приезжает. Те, кто находится на передовой, они действительно думают, что мы там против НАТО сражаемся, что мы Россию защищаем, чтобы на Россию не напали завтра. Здесь сложная ситуация: многие люди, ну, плохо образованы, которые на фронте. И многие реально верят в то, что они за правое дело сражаются. И пока мы им не откроем глаза на это, они оттуда не уйдут, они там умрут. Против своих сослуживцев я никогда не подниму оружие, но против Кремля — для меня это огромная разница — думаю, я способен поднять оружие.

Что будет, когда солдаты вернутся с войны

Это очень сложный вопрос, на который нет простого ответа. Во-первых, сначала им захочется находить себе оправдания, что они там были не просто так и делали благое дело. В первый месяц я бы с вами не смог разговаривать. Есть посттравматический синдром, это в Америке изучено очень хорошо. Очень тяжело солдату, вернувшемуся с войны, сказать: «Дружище, ты был неправ». А еще тяжелее ему потом это признать. Многим будет тяжело признавать правду и факт того, что мы никого там не освобождали, мы просто разрушили города, мы погубили много людей.

Но когда они это узнают, это будет коллапс. Я считаю, «Единой России» осталось жить месяц. Я не знаю, что они сделают, ядерную войну начнут или еще

что-нибудь, чтобы попытаться удержаться, но люди, когда вернутся, откроют глаза и отоспятся, просто придут в себя. И потом военные спросят со своего правительства: «Зачем вы это сделали?». Никакое ФСБ, никакое ФСО, никто им не поможет. Тем более когда они будут понимать, что российский народ на их стороне. Я по России много путешествовал, я человек общительный, для меня нет проблемы с кем-то познакомиться. И в последние два месяца девять из десяти — против войны. Но большинство из них боится это сразу сказать, потому что это незаконно — так говорить, нельзя так говорить.

Редактор: Дмитрий Ткачев